

УДК 316.7

DOI: 10.34670/AR.2021.70.49.010

Современные подходы к исследованию культурного пространства

Искра Анна Александровна

Учитель истории,

Школа № 463 им. Героя Советского Союза Д.Н. Медведева,
115470, Российская Федерация, Москва, ул. Судостроительная, 10/1;
e-mail: anna-sh1@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются подходы к анализу процессов формирования современного культурного пространства России. Выявляются обстоятельства, существенно повлиявшие на трансформацию российского культурного пространства за последние два десятилетия. Ключевыми факторами в этом процессе являются трансформация структуры социальной и культурной памяти и возрастание роли государственной власти во всех сегментах общественных отношений. Указывается на то, что именно культурологический подход позволяет включать в анализ не только фактические данные, но и образные, проективные. Пространство, в котором происходит мистерия создания социальной памяти, и есть культурное пространство. Задача научного сообщества как добросовестных служителей истории – не оставлять нагромождение руин – неосмысленных событий, имеющих социальную и культурную значимость, ради того, чтобы история базировала свое знание на истине доступного нам понимания на каждом конкретном этапе нашей жизни, предопределяя будущее человечества вектором развития его культуры. В результате синтеза выявленных тенденций предложена авторская модель результата трансформации российского культурного пространства ближайшего будущего.

Для цитирования в научных исследованиях

Искра А.А. Современные подходы к исследованию культурного пространства // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 2А. С. 88-97. DOI: 10.34670/AR.2021.70.49.010

Ключевые слова

Культурное пространство, социальная память, духовная культура, социальная культура, цифровизация, нарратив, таксономизация.

Введение

Актуальность научного осмысления состояния культурного пространства России, проблемных точек его формирования обусловлена целым рядом факторов, в том числе его ролью как инструмента передачи новым поколениям свода моральных, этических и эстетических ценностей, составляющих ядро национальной самобытности. Необходимость целенаправленного проективного развития российского культурного пространства для преодоления угрозы «гуманитарного кризиса», а также в качестве инструмента «мягкой силы» укрепления роли России на международной арене подчеркивается в Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. Размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление культурного единства общества прямо отнесены к угрозам национальной безопасности.

Вынесенная в заглавие тема обширна и практически неисчерпаема. В рамках данной статьи предпринята попытка определиться с подходами к такому анализу. Актуальность данной темы была заявлена еще в 2005 г. исходя из результатов исследований общественного мнения Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Директор ВЦИОМ В.В. Федоров отмечает, что данное взаимодействие было отражено в стремлении властей определять характер отношений во всех сферах общественной деятельности. Метод поиска баланса между источниками культурного и социального пространств с тех пор принципиально не изменился: «Когда самое страшное позади, внимание наших соотечественников постепенно переключается на более прозаические, но и более спокойные и близкие темы и вопросы. И когда это происходит, выясняется, что запас социального оптимизма и уверенности в себе у россиян далеко не растрочен. А вот как оценивать власть, как относиться к ее действиям – этот вопрос нашими соотечественниками пока далеко не решен и зависит во многом от действий самой власти» [Денисова, 2018; Как мы думали..., 2005; Колеватов, 1984].

Основная часть

Культурное пространство – та искусственная среда, которая находится в процессе ее сотворения Человеком, при этом она должна быть отделена от сиюминутного давления социальной обусловленности. Лучшее выражение сущности культурного пространства передает вопрос, приписываемый апостолу Петру: «Камо грядеши?» Задаваясь вопросом о том, к чему ведет человеческая экспансия в материальные и духовные пространства, мы открываем собственную подлинную природу и природу нашей культуры, а также предопределение будущего.

Во-первых, вышеизложенное говорит об историчности понятия «культурное пространство», об обязательной материальной фиксации его феноменов, что, в отличие от политической обусловленности и ангажированности теми или иными видами общественных отношений, имеет объективную высокую меру и значительную протяженность во времени. Во-вторых, индивидуальный выбор личного характера взаимоотношений с обществом и продуктами его материальной культуры имеет значение не только для восприятия, но и для формирования образа культурного пространства. Интеграции индивидуальных действий и представлений в историческом процессе можно отнести к хрестоматийной теме «роли личности в истории». Мир социума немислим вне культуры, в то же время культура возможна и вне социума. И не только как историческое свидетельство ее производства, например археологической природы, в ныне

мертвых цивилизациях, но и как спонтанное воспроизводство ее ребенком, оказавшимся в когнитивно сложной среде, многократно доказанное опытным путем. Признанный специалист в области детских субкультур М.В. Осорина приходит к выводу о том, что процессом становления социально интегрированной личности оказывается порождение культурных элементов, которые «естественным образом воспроизводятся в каждом новом поколении» [Осорина, 2008].

Исследования в этом направлении еще не дают окончательного представления о том, является ли присущее человеку производство культуры средством создания социальных объединений или онтологически объединенные стремлением к выживанию человеческие группы стали порождать культурный продукт как средство регуляции межличностных взаимоотношений. Во втором случае культуру можно представить как форму сублимации неизбежного подавления индивидуальной воли (постулируемого психоаналитическими теориями). Диалектический подход здесь кажется наиболее плодотворным, однако уже сейчас можно утверждать, что социум не может претендовать на исключительную роль источника культуры. Ее источниками являются и асоциальные личности, управляющие самой социальной системой в результате своей роли в ней, и внесистемные душевнобольные, и «гении». В современной научной среде наибольшее распространение получила позиция, согласно которой первый подход отражает сущность «культурного пространства», а второй – «пространства культуры». В своих работах по анализу понятия «культурное пространство» исследователи И.М. Гуткина, П.И. Касаткин, Е.В. Орлова приходят к выводу о том, что культурное пространство отражает связь явления или группы явлений с историческим процессом фиксации общественного или даже цивилизационного опыта, а пространство культуры обозначает среду самореализации различных уровней опыта [Гуткина, 2003; Касаткин, 2017; Орлова, 2010, www]. Настоящее несет угрозу культурному пространству через разрушение его гетерохронной связи с цивилизационным продуктом. М.Я. Сараф поясняет этот процесс следующим образом: «Мифологизируется и сочиняется заново история, рушатся фундаментальные связи с культурным пространством уже достигнутого и более высокого уровня организации и функциональности. Процесс расширения и активизации анклавов прямо направлен на уничтожение классического культурного пространства, на его вытеснение и замену закрытыми анклавыми, архаичными (хотя их называют традиционными) пространствами культуры» [Сараф, 2017, www]. Это подтверждают и результаты исследований ВЦИОМ, анализирующие актуальные дискурсы российского культурного пространства, сводящиеся к состоявшейся системе категорий (вариантам пространств культуры).

- 1) «*Политическая сфера*». Поделена на актуальные политические события, функционирование политической системы, обстоятельства президентства в России, актуальные проблемы (в данном случае демократии).
- 2) «*Правоохранительная сфера*». Подразделяется на анализ отношения россиян к коррупции, к судебной власти и к правоохранительным органам.
- 3) «*Социально-экономическая сфера*». Здесь прямое отношение к социальной сфере имеет только категория «динамика настроений российского общества», остальные относятся к оценке социумом финансовых обстоятельств: конкурентоспособность России, финансовое поведение россиян, отношения с банками, отношение к страховым услугам, социальная ответственность предпринимателей [Как мы думали..., 2005, 318-319]. Отношение этих сфер, по сути, отражают отношения человека с «силой», «богатством», «властью». Так, «в культурном пространстве выделяется совокупность форм культуры, которые определяют

социальные отношения людей, их взаимодействие в обществе. Сюда относятся нравственная, правовая, политическая культура. В этих формах культуры фиксируются социальные ценности и идеалы, а также общие регулятивы поведения, движимого стремлением к ним» [Кармин, Новикова, 2005, 134].

- 4) «*Духовная сфера*». Включает религию, философию, искусство. Он предлагает рассматривать эти элементы как «три лика культуры» [Там же, 133-136]. Все сценарии возможных взаимоотношений в обществе, часть из которых можно признать достаточно устойчивыми пространствами порождения специфической культуры создают искусственную среду нашего обитания, а в силу обязательной информационной фиксации еще и социальную память.

Основополагающую роль в духовной сфере играет язык, поскольку образ мира у человека в значительной степени строится через слово и именно через слово в процессах речемыслительной деятельности и общения в индивидуальной картине мире «кристаллизуются» фрагменты реальности: язык, моделируя мир, одновременно «моделирует и самого пользователя этим языком» [Успенский, 1994, т. 1, 7]. Иными словами, владение языком предполагает владение концептуализацией мира, т. е. знание заложенных в лингвокультуре национально-специфичных единиц [Денисова, 2020, 128-130]. Сказанное означает, что посредством предписанных языком готовых формул и текстов носителем усваивается «порядок культуры» – наиболее эффективный механизм внушения стереотипов, закодированных на языке социума и нужных этому социуму для регулирования поведения ее представителей. Сотканный из множества равноправных кодов, текст вплетается в «память» культуры и становится не столько устойчивым знаком, сколько условиями его порождения и той средой, в которую погружена речевая деятельность. Впитываемые еще на стадии освоения языка тексты ведут к образованию коллективных мифов, моделирующих действительность и охватывающих разные сферы жизни: мораль, эстетику, образование, литературу, искусство и быт. Миф в такой интерпретации тесно связывается с языком и информацией, становится объектом изучения семиотики. То, что является знаком в языке, превращается в мифе в обозначающее: «Разрушение, которому миф подвергает коллективный язык, абсолютно; к этому разрушению, собственно, и сводится вся его задача» [Барт, 1994, 128].

Благодаря осмыслению значимости духовных и материальных продуктов деятельности по формированию исторического наследия, культурное пространство выступает формой рационализации памяти о среде. Вопрос различения понятий «культурное пространство» и «пространство культуры» в теории культурологии не был актуален до недавнего времени. А.С. Кармин, описывая «пространство культуры» в терминах сегодняшнего дня, по сути, говорит именно о «культурном пространстве»: «Люди живут в пространстве культуры. Так же, как воздух, которым мы дышим, нас окружает воздух культуры, которым дышит наша душа. Пространство культуры – это не физическое, а духовное пространство. Это пространство смыслов – знаний, ценностей и идеалов, норм и правил жизни» [Кармин, 1999, 66]. Модель этого пространства графически можно отобразить так (рис. 1).

Согласно А.С. Кармину и Е.С. Новиковой, духовная культура отвечает за развитие когнитивных парадигм, к которым можно отнести житейскую, мистическую и рациональную – образцы, по которым строится знание о мире. И также отвечает за институализацию ценностей, которые можно разделить на финальные, инструментальные и производные. Именно в этой своей функции духовная культура наиболее тесно взаимодействует с культурой социальной. В связи с этим известный американский искусствовед и философ А. Данто отмечает: «Любое

повествование – это структура, налагаемая на события, которая одни события соединяет вместе, а другие исключает как не имеющие значения. Поэтому осуществление такого отбора не может быть отличительной чертой какого-то одного типа повествования. Выражаясь банально, в повествовании упоминаются только важные события. Однако в этом случае для любого повествования встанет вопрос об определении важности событий: любое повествование, в идеале, будет включать только то, что имеет отношение к другим событиям или важно для них» [Данто, 2002, 129].

Пространственная модель культуры

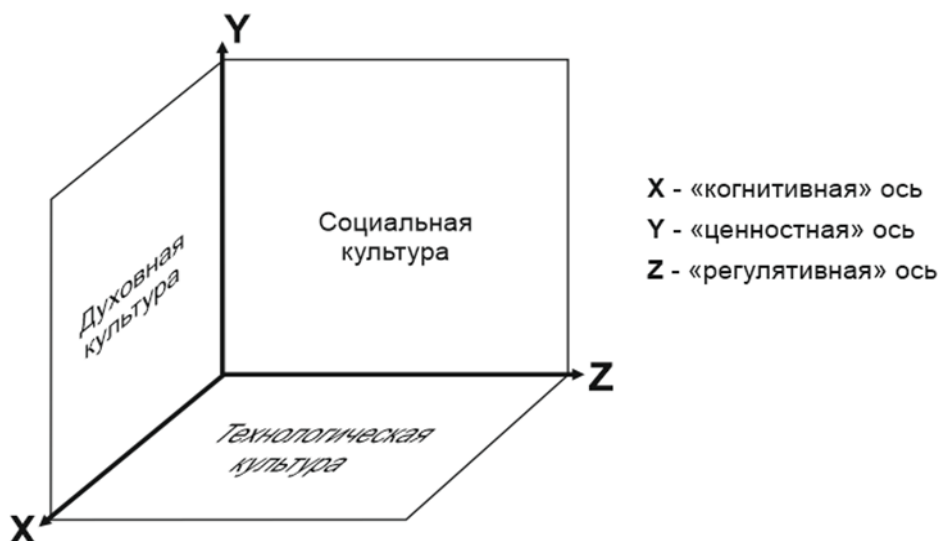

Рисунок 1 - Пространственная модель культуры в настоящем времени

В результате социальных изменений два самых серьезных, на наш взгляд, обстоятельства существенно повлияли на трансформацию российского культурного пространства за последние два десятилетия.

Первое из них связано с социальной памятью. В.А. Ребрин дает следующее определение данному понятию: «Социальная память – это осуществляемая обществом с помощью специальных институтов, устройств, средств процесс фиксации в общезначимой форме, систематизации и хранения (вне индивидуальных человеческих голов) теоретически обобщенного коллективного опыта человечества, добытого им в процессе развития науки, философии, искусства, знаний и образных представлений о мире... Эта память – неотъемлемый элемент духовной жизни общества, его общественного сознания» [Ребрин, 1974, 44-45]. Для понимания сопряжения основных терминов данной работы следует понимать, что культурное пространство является актуализированным фрагментом социальной памяти. В текущем общественном процессе культурное пространство создается в результате взаимоотношений множества пространств культуры.

В сфере культурного пространства социальная память обуславливает его фиксацию, развитие и трансформации. Под трансформацией в данном случае мы понимаем процесс изменения, но не обязательно развития, происходящий в очень короткие сроки. Трансформация возможна за счет изменений в системе ценностей, способов их институализации,

целенаправленного воздействия ради смены направления развития когнитивных парадигм. Возможность такой трансформации заложена в самой вторичной природе социально обусловленного познания мира. Так, В.А. Колеватов пишет: «Проследив хотя бы в самых общих чертах процесс получения человеком представлений и понятий о мире, составляющих, как принято считать, его мировоззрения, мы прежде всего обнаружим, что ни один человек не изучает непосредственно, эмпирически “мир в целом”. Большую часть знаний он получает из самых различных источников – книг, аудио, телевидения, бесед с другими людьми и т. д. Во всех этих случаях он имеет дело не непосредственно с явлениями, а с их отображением, уже прошедшим через сознание людей и “записанным” в памяти общества» [Колеватов, 1984, 143].

Основным источником знания о мире, об эстетических и этических понятиях на протяжении столетий являлась традиционная семья, где минимум три поколения находящихся в родственной связи людей проживали вместе. Семья была основной единицей наблюдения с помощью переписи в Советском Союзе, пока в 2002 г. «в связи с изменением жилищных условий населения, родственных связей проживающих совместно людей» [Официальный сайт..., www] такой единицей не становится домохозяйство. Решение было принято по предложению ООН. Следует отметить, что такое изменение единицы наблюдения затруднило в дальнейшем анализ феномена семьи. И если проведенная в 1994 г. микроперепись показала, что всего 11,7% домохозяйств по своему составу могут содержать три поколения, проживающих вместе [Елисеева, www], то в 2002 г. способ представления данных переписи еще более затруднил анализ состава семей. Исходя из фактических представлений о составе семьи, можно предположить, что следует анализировать объединенную группу от 55 лет и старше, входящую в домохозяйства от пяти человек. Численность таких семей по данным 2002 г. составила уже всего 10,97% [Население..., www]. Поскольку в данную категорию в 2002 г. были включены «коллективные домохозяйства», включая обслуживающий персонал, реальная численность семей оказывается значительно меньше.

В результате переписи 2010 г., которая проводилась по той же методике подсчета, число таких «семей» снова сократилось (до 10,8%) [Там же]. Данные этой переписи любопытны еще и тем, что выявляют не столько неспособность старшего поколения к созданию традиционных семей, сколько отсутствие желания совместного проживания представителей разных поколений.

В настоящее время исследователи констатируют снижение роли житейского опыта в структуре социальной памяти. Опытное знание противостоит по своему смыслу экспертному знанию. Носитель последнего – *opening leader* – приносит в общество нарративное знание (от лат. слов *narrare* и *gnarus*, т. е. знающий о чем-либо эксперт) [Карабаева, www]. Приведенные выше данные показывают, что проблема с замещением нарративом опытной информации не является следствием развития технологической культуры. Цифровая революция XXI в. привела к перераспределению источников социокультурной памяти, но не явилась причиной этому. Революция обозначает себя резкими математическими кривыми, ее характеризующими, здесь же можно наблюдать планомерное снижение значимости роли пожилых людей в формировании социокультурной памяти. Скорее, третья плоскость, которая в схеме А.С. Кармина обозначена как «Социальная культура», отражает планомерное воздействие на преобразование структуры коллективной памяти.

Вторым обстоятельством, существенно повлиявшим на трансформацию российского культурного пространства за последнюю пару десятилетий, становится возрастание роли государственной власти во всех сегментах общественных отношений. В сфере социальной

культуры наблюдается разрушение подлинно политического подхода: «С каждым последующим годом¹ другие политические фигуры, кроме президента, становились для граждан все менее авторитетными, их голоса – менее слышными, а образы – менее различимыми. А “президентский полюс” постепенно подминал под себя все больше политическое пространство, фактически поглотив сначала исполнительную власть, затем – представительную, информационную, начал подминать уже и региональную... Вот уже несколько лет ощущается идеологический вакуум, ставший результатом стремительного “разоружения” оппозиции перед президентом» [Как мы думали..., 2005; Кармин, Новикова, 2005]. Хотя ничего столь же смелого В.В. Федоров с 2005 г. не писал, сказанное заставляет задуматься о том, что подлинно политического пространства среди множества пространств культуры более не существует. Имеет место процесс тотальной реорганизация социальных пространств культуры. Страна, которая выступила против однополярного мира символической речью своего президента в 2007 г. (Мюнхенское выступление), вероятно, сама внутри должна была стать однополярной и достаточно однородной, чтобы представлять очевидную силу на мировой арене. Однако конец политики и рост государственной воли во всех пространствах культуры символизируют конец свободных взаимоотношений и борьбы этих пространств и объективируют их системную реорганизацию в соответствии с планами, которые принято называть социальной инженерией. З. Бауман выразил причину этих процессов следующим образом: «С углублением пропасти между властью и политикой – т. е. возможностью что-то сделать и возможностью решать, что нужно делать в рамках территориально суверенного государства, – исходная идея достичь человеческого счастья посредством проектирования и построения общества, восприимчивого к человеческим потребностям, чаяниям и стремлениям, становилась все более призрачной в силу отсутствия института, уполномоченного решать такую неимоверно сложную задачу» [Бауман, 2018, 442].

Прекращение естественного развития социальной культуры и ее структуризация относятся к области анализа, вышедшего из-под крыла систематики – типологизации на основе таксономии, т. е. соподчинения независимых иерархических структур [Фролов, 2013]. Таксономизация на сегодняшний день является наиболее точным определением процессов, происходящих с социальной культурой под влиянием государственной власти, где последняя определяет темы дискурсов, содержание нарративов, будущие состояния.

Возвращаясь к представленной модели пространства культуры А.С. Кармина, отметим, что роль фактора технологического развития несколько переоценена, хотя революция цифровизации так или иначе остается наиболее значимым фактором преобразования технологической культуры. Для трансформации некоторых областей социальной практики пространство технологической культуры может служить источником перестройки, однако для культурного пространства в целом роль носителя остается вторичным элементом, поскольку принципиально значимым является процесс обретения наследия, его принятия и осмысления того, что значит быть человеком. При этом источниками такой информации являются и социальные сети, и книги, и фильмы, и уголовный кодекс. Пожалуй, наиболее значимое влияние на процесс преобразования общества в последние годы оказали социальные сети, которые перенесли общение в онлайн-среду и VR-технологии, грозящие полным устранением пожилых членов общества от участия в его проективных процессах развития [Кармин, Новикова, 2005].

¹ После 2000 г. – А.И.

Если предположить модель антиутопии ближайшего будущего, базируясь на модели А.С. Кармина, то она будет выглядеть так (рис. 2).

Результат трансформации культурного пространства

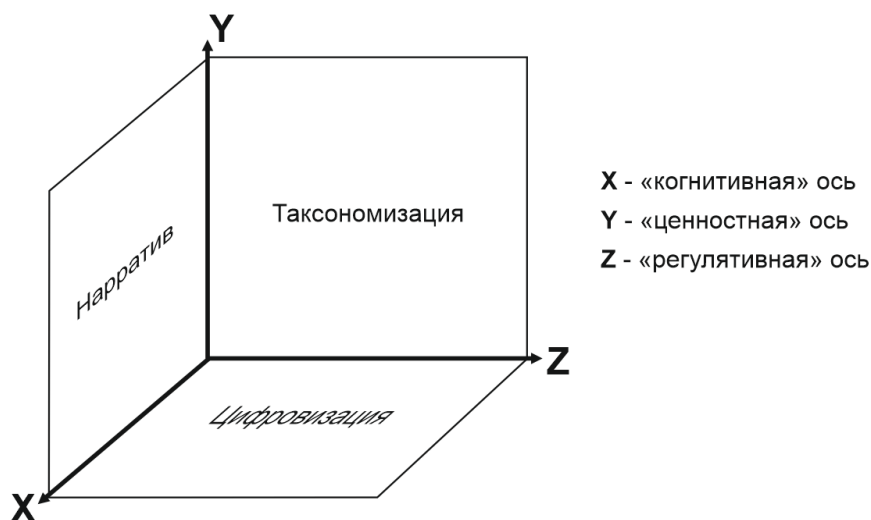

Рисунок 2 - Результат трансформации культурного пространства. Проект культурной модели будущего

Заключение

Именно культурологический подход позволяет включать в анализ не только фактические данные, но и образные, проективные. Пространство, в котором происходит мистерия создания социальной памяти, и есть культурное пространство. Задача научного сообщества как добросовестных служителей истории – не оставлять нагромождение руин – неосмысленных событий, имеющих социальную и культурную значимость, ради того, чтобы история базировала свое знание на истине доступного нам понимания на каждом конкретном этапе нашей жизни, предопределяя будущее человечества вектором развития его культуры.

Библиография

1. Барт Р. Семиотика. Поэтика. М., 1994. 615 с.
2. Бауман З. Ретротопия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 435-442.
3. Гуткина И.М. Культурное пространство: проблемы и перспективы изучения // Философия и современность. Саратов: Научная книга, 2003. С. 79-87.
4. Данто А. Аналитическая философия истории. М.: Идея-Пресс, 2002. 292 с.
5. Денисова Г.В. Интертекстуальная компетенция личности: вектор культурной эволюции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2018. № 9. С. 184-193.
6. Денисова Г.В. Социокультурные стереотипы в межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2020. Т. 26. № 3. С. 127-148.
7. Елисеева И.И. Социальная статистика. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/noname_socstat/ec3.aspx
8. Как мы думали в 2004 году: Россия на перепутье. М., 2005. 320 с.
9. Карабаева А.Г. Нарратив в науке и образовании. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/karabaeva-ag/narrativ-v-nauke-i-obrazovanii>
10. Кармин А.С. (ред.) Конфликтология. СПб.: Лань, 1999. 448 с.
11. Кармин А.С., Новикова Е.С. Культурология. СПб.: Питер, 2005. 464 с.

12. Касаткин П.И. Культурное пространство: аксиологический аспект // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 4. С. 145-156.
13. Колеватов В.А. Социальная память и познание. М.: Мысль, 1984. 190 с.
14. Население частных домохозяйств по полу и возрастным группам. URL: http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_06_10.htm
15. Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194820/
16. Орлова Е.В. Культурное пространство: определение, специфика, структура // Аналитика культурологии. 2010. № 18. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-prostranstvo-opredelenie-spetsifika-struktura/viewer>
17. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Питер, 2008. 304 с.
18. Официальный сайт Всероссийской переписи населения. URL: <https://www.strana2020.ru>
19. Ребрин В.А. Методологические проблемы социалистического общественного сознания. Новосибирск, 1974. 169 с.
20. Сараф М.Я. Культурное пространство и пространство культуры: цивилизационная гетерохронность // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. № 12-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-prostranstvo-i-prostranstvo-kultury-tsvilizacionnaya-geterohronnost/viewer>
21. Успенский Б.А. Избранные труды. М., 1994. Т. 1. 364 с.
22. Фролов Д.П. Многоуровневая иерархия экономического пространства: формирование эволюционной таксономии // Пространственная экономика. 2013. № 4. С. 122-150.

Modern approaches to studying the cultural space

Anna A. Iskra

History Teacher,
Comprehensive School No. 463,
115470, 10/1 Sudostroitelnaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: anna-sh1@yandex.ru

Abstract

The article considers approaches to the analysis of the processes of the formation of the modern cultural space of Russia. It reveals the circumstances that have significantly influenced the transformation of the Russian cultural space over the past two decades. The key factors in this process are the transformation of the structure of social and cultural memory and the increasing role of state power in all segments of public relations. The author of the article points out that it is the culturological approach that makes it possible to include not only factual, but also figurative, projective data in the analysis. The cultural space is the space in which the mystery of the creation of social memory takes place. The task of the scientific community is not to leave a pile of ruins – unintelligible events of social and cultural significance, for history to base its knowledge on the truth of the understanding available to us at each specific stage of our life, determining the future of humanity by the vector of the development of its culture. The author proposes her own model of the result of the transformation of the Russian cultural space of the near future as a result of the synthesis of the identified trends.

For citation

Iskra A.A. (2021) *Sovremennye podkhody k issledovaniyu kul'turnogo prostranstva* [Modern approaches to studying the cultural space]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (2A), pp. 88-97. DOI: 10.34670/AR.2021.70.49.010

Keywords

Cultural space, social memory, spiritual culture, social culture, digitalization, narrative, taxonomization.

References

1. Barthes R. (1994) *Semiotika. Poetika* [Semiotics. Poetics]. Moscow.
2. Bauman Z. (2018) Retrotopiya [Retrotopia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes], 6, pp. 435-442.
3. Danto A. (1965) *Analytical philosophy of history*. Cambridge University Press. (Danto A. (2002) *Analiticheskaya filosofiya istorii*. Moscow: Ideya-Press Publ.)
4. Denisova G.V. (2018) Intertekstual'naya kompetentsiya lichnosti: vektor kul'turnoi evolyutsii [The intertextual competence of an individual: the vector of cultural evolution]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Linguistic University], 9, pp. 184-193.
5. Denisova G.V. (2020) Sotsiokul'turnye stereotipy v mezhkul'turnoi kommunikatsii [Sociocultural stereotypes in cross-cultural communication]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 18: Sociology and political science], 26 (3), pp. 127-148.
6. Eliseeva I.I. *Sotsial'naya statistika* [Social statistics]. Available at: http://sbiblio.com/biblio/archive/noname_socstat/ec3.aspx [Accessed 14/03/21].
7. Frolov D.P. (2013) Mnogourovnevaya ierarkhiya ekonomicheskogo prostranstva: formirovanie evolyutsionnoi taksonomii [The multilevel hierarchy of the economic space: the formation of evolutionary taxonomy]. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial economics], 4, pp. 122-150.
8. Gutkina I.M. (2003) Kul'turnoe prostranstvo: problemy i perspektivy izucheniya [The cultural space: problems and prospects for studying]. In: *Filosofiya i sovremennost'* [Philosophy and modernity]. Saratov: Nauchnaya kniga Publ., pp. 79-87.
9. *Kak my dumali v 2004 godu: Rossiya na pereput'e* [We thought so in 2004: Russia at a crossroads] (2005). Moscow.
10. Karabaeva A.G. *Narrativ v nauke i obrazovanii* [The narrative in science and education]. Available at: <http://anthropology.ru/ru/text/karabaeva-ag/narrativ-v-nauke-i-obrazovanii> [Accessed 14/03/21].
11. Karmin A.S. (ed.) (1999) *Konfliktologiya* [Conflictology]. St. Petersburg: Lan' Publ.
12. Karmin A.S., Novikova E.S. (2005) *Kul'turologiya* [Cultural studies]. St. Petersburg: Piter Publ.
13. Kasatkin P.I. (2017) Kul'turnoe prostranstvo: aksiologicheskii aspekt [The cultural space: the axiological aspect]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 4, pp. 145-156.
14. Kolevatov V.A. (1984) *Sotsial'naya pamyat' i poznanie* [Social memory and cognition]. Moscow: Mysl' Publ.
15. *Naselenie chastnykh domokhozyaistv po polu i vozrastnym gruppam* [The number of private households by gender and age]. Available at: http://www.perepis2002.ru/ct/html/TOM_06_10.htm [Accessed 14/03/21].
16. *Ob utverzhdenii Strategii gosudarstvennoi kul'turnoi politiki na period do 2030 goda: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29.02.2016 № 326-r* [On approving the Strategy for the state cultural policy for the period until 2030: Order of the Russian Government No. 326-r of February 29, 2016]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194820/ [Accessed 14/03/21].
17. *Ofitsial'nyi sait Vserossiiskoi perepisi naseleniya* [The official website of the All-Russian Population Census]. Available at: <https://www.strana2020.ru> [Accessed 14/03/21].
18. Orlova E.V. (2010) Kul'turnoe prostranstvo: opredelenie, spetsifika, struktura [The cultural space: the definition, specificity, structure]. *Analitika kul'turologii* [Analytics of cultural studies], 18. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-prostranstvo-opredelenie-spetsifika-struktura/viewer> [Accessed 14/03/21].
19. Osorina M.V. (2008) *Sekretnyi mir detei v prostranstve mira vzroslykh* [The secret world of children in the space of the adult world]. St. Petersburg: Piter Publ.
20. Rebrin V.A. (1974) *Metodologicheskie problemy sotsialisticheskogo obshchestvennogo soznaniya* [Methodological problems of social consciousness under socialism]. Novosibirsk.
21. Saraf M.Ya. (2017) Kul'turnoe prostranstvo i prostranstvo kul'tury: tsivilizatsionnaya geterokhronnost' [The cultural space and the space of culture: civilizational heterochrony]. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya* [Russia: trends and development prospects], 12-3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-prostranstvo-i-prostranstvo-kul'tury-tsvivilizatsionnaya-geterokhronnost/viewer> [Accessed 14/03/21].
22. Uspenskii B.A. (1994) *Izbrannye trudy* [Selected works], Vol. 1. Moscow.